

Азъ

Людмила Макарова

ОДИНОЧНЫЙ ДОЗОР

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
М15

Серия «Дозоры»

Автор идеи С. Лукьяненко

Серийное оформление А. Фереза

Художник С. Неживясов

Художественное оформление макета Е. Климовой

Макарова, Людмила.

М15 Одиночный Дозор : [фантастический роман] / Людмила Макарова. — Москва: АСТ, 2017. — 320 с. — (Дозоры).

ISBN 978-5-17-100645-7

Шестой Дозор состоялся. С уходом Двудеиного божества, издревле следившего за соблюдением Великого Договора, изменились реальность Иных и человеческий мир. Сумрак, содрогнувшийся от Высшей магии, все еще нестабилен, противостояние Тьмы и Света достигло предельной черты. Еще немного — и даже обычная прогулка по столичным улицам станет небезопасной. И в этих условиях Светлый оперативник Никита Сурнин, расследующий смерть старушки, вынужден идти на сотрудничество с Темными Иными и Светлыми отшельниками — ведь остальные дозорные не спешат ему на помощь.

Все ново и странно в изменившемся Сумраке...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© С. Лукьяненко, 2013
© Л. Бекмачева, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Данный текст ставит под сомнение необходимость соблюдения Великого Договора.

Дневной Дозор

Данный текст свидетельствует о необходимости строгого соблюдения Великого Договора.

Ночной Дозор

часть

Темные
игры

Пролог

Календарная весна — суровая предвестница перемен к лучшему... Многоэтажные джунгли, изрезанные магистралями и дорожными развязками, замирают в ожидании тепла. Городские высотки, посеченные снежной крупой и ледяными дождями, жадно ловят запыленными окнами первые, еще холодные солнечные лучи.

Пройдет совсем немного времени, и свет разольется по широким проспектам и заструится в тихих закоулках. Засияет на водосточных трубах и отполированных рельсах, брызнет в окна проносящихся электричек, сверкающими искрами осыплется в лужи с машин, зашлепанных грязью по крыши.

Солнце сполна отыграется за временное зимнее поражение, возвращая себе одну потерянную позицию за другой: оно наголову разобьет ночь и удлинит световой день, разольет над Москвой сверкающую синь, и унылые тучи в страхе съедатся за горизонтом.

С каждым новым порывом пронизывающий ветер городских парков будет терять силу и злость и наконец, почти усмиренный, сердито пригладит взъерошенные волосы мальчишкам, залихватски распахнувшим теплые куртки. Он по-

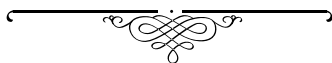
Поэмы

Людмила Макарова • Одиночный Дозор

гонит по едва просохшему асфальту маленькие пыльные смерчи. Зашуршит в голых ветвях деревьев, задолго до летней премьеры репетируя незатейливую пьесу «Шум зеленой листвы»...

Весна уже скоро. Настоящая, с буйным цветом яблонь,
пестротой девичьих нарядов, зеленью газонов
и первыми грозами... Столица
замерла в холодном
ожидании.

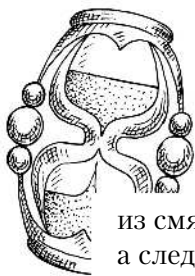

Старушка поворошила ключкой содержимое урны, подцепила из ее недр пивную банку, просаленный бумажный сверток и скомканные влажные салфетки. Недовольно пожевав губами и прошамкав что-то недобропорядочное, она критически осмотрела улов, гирляндой свисавший с кончика клюки, не обнаружила в нем ничего, достойного внимания, и стряхнула мусор на газон. Спортивная дамочка, неподалеку гулявшая с собакой, как раз собиралась сделать сгорбленной старухе замечание, когда та нехорошо зыркнула из-под полуопущенных век. Добрейшей души лабрадор Норд вздыбил шерсть на загривке, зашелся лаем, потом визгом и вдруг опрометью бросился прочь, натягивая поводок и увлекая за собой хозяйку.

— Развелось собак как тараканов, шагу ступить некуда, — проворчала ведьма им вслед и поковыляла к следующей урне.

Вдалеке стихал истеричный собачий лай. Хлам с газона потянулся за клюкой, словно намагниченный: вслед за просаленной оберткой из-под гамбургера пристроились два комочка влажных салфеток, следом покатила банка из-под пива, проползла пустая пластиковая бутылка, грязный ежик

Позоры

Людмила Макарова • Одиночный Дозор

из смятых окурков, валявшихся вдоль невысокого бордюра, а следом норовило пристроиться все остальное содержимое урны. Бабка, не оборачиваясь, тюкнула палкой точно колдовским посохом. Мусор рассыпался. Ветер разметал его, швырнув мятую жестяную банку под колеса одинокого велосипедиста, который как раз поравнялся со старушкой, сердито прохрустел колесами по наледи и, стремительно удаляясь, зашуршал по мерзлым камешкам парковой дорожки.

Велосипед, счастливо объехавший бабку, опасно завилыл по замерзшим лужам, норовя сбросить седока точно взбесившийся конь.

— И людей развелось, никакого покою, — мрачно ворчала старуха ему вслед. — Куда столько?

Дорожка вывела ее на обледеневшую скользкую брусчатку, а та, в свою очередь, — к летней эстраде, которая торчала посреди парка мокрой ракушкой, из которой давным-давно удрал в теплые края промерзший моллюск. Несмотря на непогоду, пронизывающий ветер и лохматые тучи, время от времени сыпавшие снежной крупой, вокруг эстрады толпилась горстка людей. И туда постепенно подтягивались все новые посетители парка.

На сцене разворачивалось театральное действо. Двое парней, одетых в полосатые костюмы, клоунские ботинки и цирковые пиджаки с длинными фалдами, разыгрывали не то пантомиму, не то акробатический этюд с элементами брейк-данса. Несмотря на ярко-красные носы и кричащие наряды, смотреть на ребят было скучно и холодно: они откровенно гнали халтурку и явно промахнулись с сезоном — благодатная пора для уличных актеров, поэтов и музыкантов еще не наступила. Зрители поднимали воротники, глубже натягивали капюшоны, беспокойно оглядывались по сторонам, но почему-то не расходились.

Ведьма посмотрела на влюбленную парочку, которая, так и не разомкнув объятий, брела к эстраде от липовой аллеи,

Дозоры

Часть первая Темные игры

перевела взгляд на парня в потертой кожаной куртке, приближавшегося со стороны центрального входа, протиснувшись мимо сцены и вдруг огрела палкой мокрые кусты.

— Вот допрыгаетесь, придут за вами, — не останавливаясь, напроорочила она закачавшимся голым веткам, почерневшим от непрерывных дождей и снегопадов. — Развелось кровососов.

Словно услышав, парень в кожанке ускорил шаг и глубже засунул руки в карманы. Казалось, во всем парке он был единственным человеком, кто действовал осмысленно. А человеком ли? Судя по тому, что аура Иного вокруг него так и горела, — маскироваться он не планировал ни от своих, ни от чужих.

«Развелось Светлых — ослепнуть можно...»

Это старая ведьма вслух проворчать не решилась. С нетипичным для сгорбленной старушки проворством она отбежала от эстрады на безопасное расстояние, к пустой детской площадке, и только закончив маневр, позволила себе исподтишка обернуться. О чем тут же пожалела. Маг перехватил взгляд. Он был выше уровнем — мгновенно «расшифровал» ведьму, засветил ей в глаз метками Ночного Дозора и, казалось, потерял к ней всякий интерес. На секунду ведьма почувствовала себя голой... а потом со всех ног припустила из промозглого парка, изредка вспоминая про клюку.

Центральным входом она пользовалась редко, предпочитая «народную тропу» через мелкий ручей, где поверх разрушенного мостика было перекинуто несколько свежих досок. На безлюдном раскисшем склоне, по которому сползали на дно овражка пласты почерневшего снега, она уже чувствовала себя практически в безопасности, когда столкнулась нос к носу с Темным Иным. Парень хлопнул дверцей навороченной иномарки, оставшейся на дороге, и без колебаний начал спускаться навстречу старухе.

Бездарное представление в районном парке, расположенном в спальном районе на окраине столицы, чем-то привлекло не только зрителей, но и небывалое внимание высокоуровневых дозорных с обеих сторон. Темный Иной, кажется, был еще выше рангом, чем Светлый. Старуха переломилась в низком поклоне. Старомодную привычку «кланяться барину» из нее не смогли выбить ни коммунисты, ни демократы, ни дозорные. Впрочем, Темные не слишком усердствовали, а вот Светлые, особенно молоденькие патрульные, многожды пытались... особенно в советские времена.

— Ты еще тут... Алевтина! Чтобы духу твоего здесь не было, — недовольно пробормотал Темный маг в ответ на подобострастное приветствие ведьмы.

Едва скользнув по ней взглядом, он критически осмотрел грязный косогор, собственные дорогие ботинки, смерил расстояние до относительно чистых парковых дорожек по ту сторону ручья и растворился в Сумраке.

Алевтина выждала немного, медленно распрямилась, опираясь на палку, раздраженно плюнула на почерневший снег и, забывшись, потрясла в воздухе костлявым кулаком:

— Развелось Дозоров, никакого житья!..

Она испуганно охнула, укусила себя за язык гнилыми зубами, отбросила палку и принялась размахивать руками в воздухе, словно ловя невидимых комаров. Слова, налившиеся Силой, уворачивались как живые. Наконец, изрядно запыхавшись, Алевтина развеяла случайное проклятие по ветру. Его черные лохмотья взлетели в воздух, вырвавшись из Сумрака точно конфетти из хлопушки, сшибли с ближайшего дерева оглушительно каркнувшую ворону, и та, кувыркнувшись в воздухе, замертво упала в грязь, распластавшись у ног ведьмы. Взгляд старухи заметно потеплел.

— Ты ж моя красавица, — почти нежно прошептала она, воровато оглянувшись по сторонам и, обнажив на конце клюки острый крюк, одним движением оттяпала вороне голову.

Дозоры
Часть первая **Темные игры**

Быстро распахнув черное выношенное пальто, Алевутина сунула добычу под растянутую вязаную жилетку в карман халата. Затем выдрала из хвоста несчастной птицы несколько перьев, поддавшись вдохновению, прихватила еще левую лапку, спалила окровавленные птичьи останки и, не оглядываясь, заковыляла прочь.

* * *

Носить на шее боевые амулеты Никита Сурнин перестал давно — к концу первого года работы в оперативном отделе. Если у него на груди и болтался какой-нибудь кулон, прикрытый от посторонних глаз соответствующим заклятием, то чаще всего им оказывалась пустышка либо защитный амулет или нехитрое свернутое заклинание вроде «длинного языка». Разумеется, высокоуровневых Темных Иных такой маскарад мог только позабавить, и даже более того: при встрече с ними он мог сыграть с Никитой Сурниным злую шутку. Но высокоуровневые Темные Иные и не шалили по ночам на улицах. Неприятности Ночному Дозору города Москвы они доставляли совсем другими способами.

Рассчитана эта военная хитрость была как раз на всякую мелкую шуштуру, с которой чаще всего приходилось сталкиваться оперативникам. Взгляд Темного нарушителя обязательно приковывал сверкающий Светом медальон на шее дозорного. И Никита, легко жертвуя пустышкой, выигрывал в Сумраке несколько драгоценных секунд при задержании.

Все это, конечно, было хорошо. Все это говорило о том, что Никита Сурнин — оперативник опытный, со своим стилем и почерком, что к работе он подходит осмысленно и даже немножко творчески и, несмотря на относительно молодой для Иного возраст, уже имеет собственные наработки... Если